

**Российская академия наук
Институт славяноведения**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
8**

**Восточнославянская диалектология,
лингвогеография и славянский контекст**

Москва 2002

С. Л. Николаев

Некоторые результаты инструментального изучения фонетики и просодии восточнославянских говоров

0. В настоящей статье идет речь о некоторых итогах работы по инструментальному изучению фонетики восточнославянских говоров на материале магнитофонных записей, сделанных в экспедициях Группы славянского глоттогенеза Института славяноведения в течение последних лет. В результате наших исследований в восточнославянских говорах удалось обнаружить многие фонетические и просодические явления, которые специалистам были неизвестны или известны лишь фрагментарно. Ниже представлен обзор основных направлений проделанной работы.

1. ТОНОЛОГИЯ

1.1. Системы с тоновыми противопоставлениями на восточнославянской территории впервые были обнаружены в 1993 г. в черниговских полесских говорах украинско-белорусского пограничья (по территории бытования их считают говорами украинского языка, хотя плеховские и москалевские говоры по формальным признакам относятся к юго-восточным белорусским). Ранее мною был опубликован отчет о тональной системе восточнополесских говоров с. Бакла́нова Муравейка Куликóвского р-на [Николаев 1995; 1996а] и с. Плѣхов Черниговского р-на Черниговской области [Николаев 1996: 216–219, 230–242].

1.1.1. Опубликованные записи из Б. Муравейки показывали, что система отражения праславянских тонов в этом говоре по крайней мере в односложных *o*-, *u*- и *i*-основах «тривиальна» (т. е. противопоставляются «ортотонические» формы и формы-энклиномены): восходящий тон на месте праславянских «старого» и «нового» акутов и нисходящий на месте «старого» и «вторичного» циркумфлексов (в а. п. *c* и *d*). Однако тоны говора Б. Муравейки были записаны мною на слух (в отличие от других черниговских говоров, весь релевантный материал которых подвергся компьютерному тонологическому анализу), поэтому, как выяснилось позднее, в записях был допущен ряд неточностей. После компьютерной обработки записанного на магнитофон материала выяснилось, что при фиксации тонов в говоре Б. Муравейки я правильно различал восходящий и нисходящий тоны, но в то же время не распознал восходяще-нисходящего тона, в общем трактуя последний то как нисходящий, то как восходящий тон,

причем выбор этот чаще всего бессознательно осуществлялся по «этимологическому» признаку. По-видимому, запись тонов на слух (особенно при их сложном устройстве) непременно влечет за собой неточности, особенно если записывающий имеет свое мнение о том, какой тон должен быть в данном слове, исходя из известной ему реконструкции или типологических универсалий.

1.1.2. Последующие опубликованные записи из с. Плѣхов, Москалі и Анісов (все три села в Черниговском р-не) были обработаны с помощью программы WinCECIL 2.2 (Computerized extraction of components of intonations of language for Windows / Summer Institute of Linguistics, 1997), и расшифровка магнитофонных записей верифицировалась по тонограммам. Однако такая верификация представляет собой новые проблемы, так как речь идет о фонетической (и фонологической) интерпретации тонограмм (т. е. графиков). Сразу же возникают, например, вопросы, какой период движения тона относится к собственно гласному и какой — к предшествующему согласному или сонанту; какую разницу в частотах нужно считать релевантной; каким образом сводить «аллотоны» в «тонемы».

Относительно двух первых пунктов я следовал следующим правилам: измерять начало и конец движения тонов на гласных в диапазонах, где собственно консонантные форманты окружающих звуков не проявляются или проявляются минимально; релевантным считать движение тона от начала звучания гласного до тональной «кульминации» в диапазоне не менее 10 Hz (особенно это существенно для интерпретации «ломаных» тонов). Относительно конкретной дополнительной интерпретации тонов см. ниже.

Образцы тонограмм из Плѣхова приведены в [Николаев 1996]. В этой же работе дается описание одной из двух плѣховских тональных систем («Плѣхов I»), в которой, в частности, обнаружена контрастная рефлексация праславянских тонов в односложных формах в зависимости от качества гласных.

1.1.3. Во время написания статьи, вышедшей в 1996 г., «научная инерция» помешала мне догадаться, что в односложных формах рефлекс тона в *pot./acc. sg. a. п. d* могут отличаться от рефлексов тонов в а. п. *c* (или в крайнем случае *b*). Я предполагал, что в «протоплѣховском» говоре бо́льшая часть слов а. п. *d* в *pot./acc. sg.* имела рефлекс «старого циркумфлекса», а немногие слова получили интонацию «нового акута». Лишь сравнение материала говора Плѣхов I с материалом говоров Плѣ-

хова II и Анисова позволило установить реальные соответствия черниговских тонов с праславянской реконструкцией.

1.1.4. Данные, полученные во время экспедиции 1997 г. в Черниговский р-н, позволили существенно пополнить знания о черниговских тональных системах. В частности, в самом Плѣхове были обнаружены два близких говора, между которыми, кроме акцентуационных, есть и фонетические различия (видимо, в прошлом это были говоры разных «концов» большого села или двух слившихся сел; при этом с исторической точки зрения тонологическая система Плѣхова II, в отличие от Плѣхова I, практически идентична анисовской). Ниже эти говоры обозначаются как Пл. I (система З.Г. Ярошенко, частично представленная в [Николаев 1996]) и Пл. II (система А. А. Третьяк).

1.2. В ходе майской экспедиции 1998 г. в Жарковский р-н Тверской обл. в говоре д. Шихотово были обнаружены фонологические слоговые тоны, по своему «устройству» заметно отличающиеся от черниговских. В частности, в шихотовском говоре тоны фонологичны не только в ударных, но и в открытых заударных словах (в известных черниговских говорах, судя по всему, тональные оппозиции фонологически релевантны только в ударных слогах). После этого были подвергнуты дополнительному изучению сделанные ранее магнитофонные записи из говоров западнорусского («кривичского») ареала, в результате чего слоговые тональные оппозиции были найдены в говоре д. Фѣдоровское Локнянского р-на Псковской обл. (магнитофонная запись 1996 г.). В фѣдоровском говоре были записаны в основном слова, содержащие рефлекс праслав. *o и *ъ, поэтому для анализа рефлексов тонов в односложных формах муж. рода этот материал малоинформативен. Однако он важен для истории тонов в основах с «полногласием» (см. ниже).

1.3. В формах существительных мужского рода тональные оппозиции обнаружены также в севернорусских (пошехонских) говорах, в частности, в говоре затопленной водами Рыбинского водохранилища д. Леушино Колобовского с/с Пошехонского р-на Ярославской обл. (магнитофонная запись 1998 г.). Есть некоторые основания предполагать, что тональные оппозиции в односложных формах сохраняются и в пошехонском говоре д. Желѣнка.

1.4. Несколько замечаний по синхронной тонологии черниговских и великорусских говоров.

Каждая из описываемых систем по объективным причинам была записана лишь от одного информанта, что, разумеется, снижает качество

материала: возможно, некоторое количество отмечаемых ниже «отклонений» (если не большинство из них) является индивидуальными ошибками информантов (в некоторых случаях вызванными, в частности, неуверенным знанием той или иной формы родного говора). Таким образом, термины «плеховская система», «шихотовская система» и т. д. равны по смыслу терминам «система нашего плеховского, шихотовского и т. д. информанта». Однако достаточная стройность и внутренняя непротиворечивость и, что самое главное, внешняя (компаративистская) верификация материала этих систем позволяют серьезно с ним работать.

1.5. Все приводимые в указанных публикациях примеры из черниговских говоров записаны в одной из двух фразовых позиций: либо в отдельном произнесенном слове с «абсолютными» началом и концом, либо в словах, находящихся в абсолютном начале «утвердительного» предложения.

1.5.1. Модификация тонов в зависимости от фразовой интонации изучена плохо — известно лишь то, что если в плеховских и анисовском говорах слово находится в конце «утвердительного» предложения либо в конце «перечисления», для тонологического анализа оно нерелевантно, так как в данной позиции, как правило, происходит нейтрализация в сторону нисходящего тона. Видимо, с этим связан факт, что любое односложное слово в изолированной («абсолютной») позиции в говорах Плѣхов I и москалевском при фронтальном пословном опросе иногда может быть произнесено с нисходящим тоном, хотя на «глубинном» (фонологическом) уровне оно имеет восходящий тон, и при переспросе восстанавливается «фонологическая» ситуация. В системах Плѣхова II и Анисова такой «вторичный» нисходящий тон отмечается крайне редко (в сущности, подобные примеры можно рассматривать в качестве колебаний между двумя тонами). Обычно установление «фонологического» тона словоформы не представляет затруднения.

1.5.2. В односложных формах существительных в говорах Плѣхова (I и II), Анисова, Б. Муравейки и Москалей в эмпирически установленных релевантных фразовых позициях противопоставлены две «тонемы»: восходяще-нисходящий и нисходящий тоны. Ниже в таблицах (см. 1.8) восточнославянские тоны в односложных формах обозначаются следующим образом: ´ — восходящий, ^ — восходяще-нисходящий, ` — нисходящий и ˇ — нисходяще-восходящий тоны. Их реализации в четырех говорах несколько отличаются.

1.5.3.1. В говоре Пл. I противопоставлены восходяще-нисходящий и нисходящий «аллотоны» на всех гласных (восходящий тон заменяет вос-

ходяще-нисходящий лишь в некоторых фразовых позициях). В говоре Анисова восходящий тон, как правило, также является фразовой модификацией восходяще-нисходящего тона (впрочем, имеется незначительное число примеров, когда восходящий тон появляется и на месте нисходящего). В говорах Б. Муравейки, Москалей и Плехова II восходящий тон может быть «аллотоном» восходяще-нисходящего тона и в «нормальной» фразовой позиции. Реализацией нисходящего тона является в основном нисходящий, реже (обычно на широких гласных) нисходяще-восходящий тон.

1.5.3.2. В шихотовском говоре в односложных формах также противопоставлены 2 тона: восходящий/восходяще-нисходящий и нисходящий/нисходяще-восходящий. В отличие от черниговских, где в конечной фразовой позиции тоны, как правило, нейтрализуются, в шихотовском говоре они противопоставлены (причем из «аллотонов» выбираются, соответственно, восходяще-нисходящий и нисходящий).

1.5.3.3. В леушинском говоре в односложных *пот. sg.* существительных муж. рода в записях противопоставлены восходяще-нисходящий/восходящий «аллотоны» восходящего и нисходяще-восходящий/нисходящий «аллотоны» нисходящего тона («аллотоничность» указанных вариантов следует из их чередований при переспросе).

1.6. Материал и предварительный диахронический анализ черниговских систем опубликованы в [Дыбо, Николаев 1998]. Материал и сравнительно-исторический анализ великорусских систем приводится в [Николаев 2000]; там же рассматривается и история тонов в баритонированных существительных с восточнославянским «полногласием» (*ToRT-), где используются данные фёдоровского говора, и соответствия между тонами в двусложных существительных с *ā*-основами.

1.6.1. Система соответствий тонов черниговских, шихотовского и леушинского говоров в односложных *пот./асс. sg.* *о*-, *и*- и *і*-основ на праславянских долгих гласных в сравнении с праславянской реконструкцией представлена ниже в таблицах (1.8). Для установления рефлексов тонов на праслав. *ę недостаточно материала (по имеющимся скудным данным, они не отличаются от рефлексов тонов на *а).

Соответствия в краткосложных основах (с *о, *ъ, *е, *ь) ниже не рассматриваются. Достаточный для объективного анализа материал черниговских говоров представлен только для корней с *о- и *ъ- (в том числе *ТЬRT* и *ТЬIT*), а регулярные соответствия установлены только для 1-го плеховского и анисовского говоров, и результаты сравнительно-исторического исследования краткосложных *о*-, *и*- и *і*-основ будут представлены в другой работе.

Предварительные сведения о тональных соответствиях между плеховскими (Пл. I) и праславянскими основами с *-о*- приведены в [Николаев 1996].

В шихотовском и леушинском говорах на рефлексах *о и *ъ отмечены как восходящий, так и нисходящий тоны, однако определенной закономерности в их распределении нет. Утрата тональных различий на рефлексах *о, скорее всего, связана со сложной фонетической историей (с дифтонгизацией и вторичной монофтонгизацией) последнего.

1.6.2. Судя по «сумбурным», не укладывающимся в регулярные ряды соответствиям, первоначальные тональные оппозиции на рефлексах *і (кроме Б. Муравейки) и *ѳ утрачены (по всей видимости, первоначально нейтрализованы в восх.-нисходящем тоне) всеми известными черниговскими говорами, а «новые» тоны возникли в каждой из систем в результате вторичных перераспределений. В говоре Плехов II нейтрализация тонов произошла также и на *и. Кроме того, в этом говоре нисходящий тон имеет тенденцию замещать восходяще-нисходящий на *е и *у. В плеховских и анисовском говорах происходит замена восходящего тона на *а* нисходящим. В москалевском говоре на *а, *е, **е̇*, *ѳ и *і тоны фонологически противопоставлены, однако исторической закономерности в распределении не обнаруживается. В материале формы со «старыми» тонами, как правило, сосуществуют с «новыми» в качестве вариантов. В таблицах соответствий гласные со «старыми» тонами приводятся под звездочкой.

В леушинском говоре на широких гласных (*а* < *а, *е; *о* < *о, *ъ; *ѳ*, *ѳ̇*, *е* < *е, *ь) тоны нейтрализовались в сторону нисходящего, а восходящий тон в некоторых примерах явно вторичен (он, видимо, возник по общему правилу генерализации восходящего тона).

1.7. Праслав. акцентные кривые в черниговских говорах в *ед. ч.* регулярно развиваются следующим образом: существительные *а.п. а*, *с* и *д* имеют баритонезу, существительные *а.п. б* — окситонезу; энклиномические формы в парадигмах утрачены. Таким образом, в конкретных говорах никакой определенной связи между тоном в *пот. sg.* и акцентной кривой в настоящее время не существует. Такая же ситуация характерна для шихотовского говора. Парадигматическая акцентология леушинского говора подробно не изучена; в общих чертах она близка к литературной.

Востоchnополесские (черниговские) и великорусские слоговые тоны находятся в самом начале изучения, более или менее систематически исследованы лишь отдельные грамматические группы слов. В некоторые ряды соответствий несомненно будут внесены коррективы.

1.8. Ниже в таблицах буквой *N* обозначены позиции исторической нейтрализации тонов.

1.8.1. Рефлексы «старого акута» (а. п. а)

Прасл.	Пл. 1	Пл. 2	Анисов	Моск.	Б.Мурав.	Ших.	Леуш.
*ī	N	N	N	N	ī	ī	ī
*ū	ū	N	ū	ū	ū	ū	ū
*ǫ	N	N	N	N	N	ū	ū
*ŷ	ǫ	*ǫ	ǫ	ǫ	ǫ	ǫ	ǫ
*ě	ě	*iē	iē	N	ī	iē	iē
*ā	*ā	*ā	*ā	N	ā	ā	N

1.8.2. Рефлексы «нового акута» (а. п. б)

Прасл.	Пл. 1	Пл. 2	Анисов	Моск.	Б.Мурав.	Ших.	Леуш.
*ī	N	N	N	N	ī	ī	ī
*ū	ū	N	ū	ū	ū	ú	ú
*ǫ	N	N	N	N	N	ú	ú
*ŷ	ǫ	*ǫ	ǫ	ǫ	ǫ	ǫ	ǫ
*ě	ě	*iē	iē	N	ī	iē	iē
*ā	*ā	*ā	*ā	N	*ā	ā	N

1.8.3. Рефлексы «старого циркумфлекса» (а. п. с)

Прасл.	Пл. 1	Пл. 2	Анисов	Моск.	Б.Мурав.	Ших.	Леуш.
*ī	N	N	N	N	ī	ī	ī
*ū	ū	N	ū	ū	ū	ú	ú
*ǫ	N	N	N	N	N	ú	ú
*ŷ	ǫ	*ǫ	ǫ	ǫ	ǫ	ǫ	ǫ
*ě	ě	*iē	iē	N	ī	iē	iē
*ā	ā	*ā	ā	N	ā	ā	N

1.8.4. Рефлексы «вторичного циркумфлекса» (а. п. д)

Прасл.	Пл. 1	Пл. 2	Анисов	Моск.	Б.Мурав.	Ших.	Леуш.
*ī	N	N	N	N	ī	ī	ī
*ū	ū	N	ū	ū	ū	ú / ū	ú
*ǫ	N	N	N	N	N	ú / ū	ú
*ŷ	ǫ	ǫ	ǫ	ǫ	ǫ	ǫ / ǫ	ǫ
*ě	ě	iē	iē	N	ī	iē / iē	iē
*ā	ā	ā	ā	N	ā	ā / ā	N

1.9. До сих пор была известна фактически лишь одна модель непосредственной рефлексии позднеславянских слоговых тонов в ударных слогах, которую условно можно назвать сербохорватско-словенской, в которой, наряду с тонами, сохраняются квантитативные оппозиции, не свойственные изученным восточнославянским говорам. После обнаружения черниговских и западнорусских систем стало ясно, что «стандартные» южнославянские «тоновые» языки, сохранив квантитативные оппозиции, в то же время утратили ряд тональных характеристик, о наличии которых в праславянском приходилось судить лишь по косвенным данным.

Привлечение восточнославянских данных позволяет по-новому взглянуть на рефлексы славянских тонов и количеств в полабском и чешском языках (см. [Николаев 2000]). Традиционное мнение о том, что западнославянская акцентуационная система, реконструируемая в основном на основании квантитативных рефлексов, является всего лишь «упрощенным вариантом» южнославянской, несомненно требует пересмотра.

Новые данные о восточнославянских фонологических тонах, в некоторых аспектах проясняющие рефлексы праславянских «интонаций» в украинских говорах (благодаря привлечению системы с. Новоселица Перечинского р-на Закарпатской обл.), будут опубликованы в тексте доклада к XIII Международному съезду славистов (см. [Николаев, in litt. (2)]).

2. ВОКАЛИЗМ

2.1. Важные результаты были получены также в последнее время в изучении восточнославянского диалектного вокализма. Многие из исследуемых явлений первоначально также были записаны на слух и лишь впоследствии верифицированы инструментальным путем.

2.1.1. Во многих карпатоукраинских говорах отмечены рефлексы сложных систем гласных переднего ряда среднего подъема. Традиционно считается, что в украинско-белорусском ареале рефлекс «нового ятя» (удлиненного *ē перед слабым *ь следующего слога) совпадает с рефлексом *ě, а рефлекс *е в прочих позициях — с рефлексом сильного *ь (ср. укр. литер. *пiч* как *бiлий*; *нeбо* как *дeнь*). Однако в карпатоукраинской зоне континуант «нового ятя» во многих говорах отличается от рефлекса *ě, причем предпочтительной реконструкцией первого является *недифтонгическое* *ē — при *ě > iē, ср. Торунь (Межгорский р-н Закарпатск. обл.) *ē > i с предшествующей твердостью губных и s, z при *ě > i с предшествующей мягкостью (*sim* < *se[d]mь ~ s'ino < *sěno; *pič* < *pektь ~ b'ičr < *bęgti) и Синевир (того же р-на) *ē > i (передне-среднее) и *ě > i

(переднее) с предшествующей мягкостью (*s'ím ~ s'ino; p'ič̣ ~ b'ič̣r*). В прикарпатском говоре Банилова-Подгорного (Сторожинецк. р-н Черновицк. обл.) у информантов старшего поколения *е имеет рефлексы *ěä* с неясной дистрибуцией, тогда как *ь всегда отражается как *ä* (*dän', konác ~ něbo/nábo* и т. д.).

2.2. РЕФЛЕКСЫ *О И *Ъ

Важные результаты были получены в изучении системного противопоставления фонем «типа *о*» в восточнославянских говорах (некоторые итоги этого изучения были подведены в [Николаев 1996]). Выявлены неизвестные ранее системы с неакцентным противопоставлением рефлексов *о и *ъ (не связанным с рефлексами старых интонаций).

2.2.1. В частности, такое противопоставление наблюдается в ряде карпатоукраинских говоров. Как известно, на месте *ъ и *о в «неперестроенных» слогах во многих юго-западных белорусских и украинских говорах, литературном укр. языке представлена единая фонема, реализуемая под ударением в виде монофтонга *о* или дифтонгоида *ʌо* — например, укр. литер. *nis ~ gen. nósa; son*; закарп. Торунь *n'is ~ gen. nʌósa; sʌon*; ю.-брест. Симоновичи *nis ~ gen. nósa; son* и т. д.

2.2.1.1. «Бинарная» система, по крайней мере в галицкой области, восходит к старой «тернарной», которая несомненно должна была существовать еще в ту эпоху, когда *о удлинилось в слогах перед слабыми редуцированными, а «сильный» ь отличался от *о*. Как показали недавние исследования, во многих карпатоукраинских говорах и в настоящее время представлены прямые рефлексы «тернарной» системы. В общем виде генезис «тернарных» юго-западных систем может быть описан следующим образом: а) в «новозакрытых» («перестроенных») слогах *о дает рефлексы, возводимые к *ō; б) в «неперестроенных» слогах *о отражается в виде фонемы *ʌо*; в) *ъ отражается в виде фонемы *lol*. Различие фонем *ʌо* и *lol* надежно отмечено только под ударением. Оппозиция фонем *ʌо* и *lol* засвидетельствована, в частности, в говорах с. Брод и Черный Поток Иршавского р-на, Дусина и Керецки Свалявского р-на, Синевир Межгорского р-на, Луг Раховского р-на Закарпатской обл., Битля Турковского р-на, Миженец и Засадки Старосамборского р-на Львовской обл., Тисов Долинского р-на, Красноиллов Верховинского р-на, Тышковцы Городенковского р-на Ивано-Франковской обл., Банилов-Подгорный Сторожинецкого р-на Черновицкой обл. В некоторых карпатоукраинских говорах фонемы *ʌо* и *lol* нейтрализуются в сторону *ʌо*

после губных, реже после велярных согласных. Реализациями фонемы *ʌо* в закарпатских и западнобойковских говорах (Брод, Черный Поток, Дусина, Керецки, Синевир, Битля) являются дифтонгоиды (реже дифтонги) с узкой или широкой слоговой частью (*ʌо* или *ʌо*), реализациями фонемы *lol* — соответствующие монофтонги *о* или *о* (в некоторых из этих говоров на их месте обычны задне-средние монофтонги *ө* и *ө*). Широкий и узкий монофтонги распределяются по известному правилу «просодической аккомодации»: узкие варианты присутствуют в слогах, предшествующих *и* и *о* в следующем слоге, а также в словах, в которых в любом слоге, следующем за *о*, находится мягкий согласный и/или гласный *i*; узкие аллофоны присутствуют также в таутосиллабических сочетаниях с *ш*. В говорах Прикарпатья фонема *ʌо* представлена «широким», «средним» или «узким» дифтонгоидами (*ʌо, ʌо* и *ʌо*), фонема *lol* — «широким», «средним» или «узким» монофтонгами (*о, о* или *о*). Фонемы *ʌо* и *lol* имеют одинаковое праславянское происхождение во всех карпатоукраинских говорах. Существенно отметить, что в полногласных сочетаниях в исследованных говорах в первом слоге представлен монофтонг — фонема *lol*, т. е. рефлекс *ъ, а во втором дифтонгоид — фонема *ʌо*, т. е. рефлекс *о. В рефлексах последовательностей *ТЬRT* во всех названных карпатоукраинских говорах на месте *ъ представлена фонема *ʌо* (при том что рефлексом сильного *ъ в прочих случаях является *lol*). Следует заметить, что в карпатоукраинских говорах наиболее последовательно проведена система с отсутствием могущего считаться фонетическим удлинением «вставного» гласного рефлексов *To/eRT* в «новозакрытых» слогах.

2.2.1.2. Видимо, последовательности *TorT, TolT/TelT* по крайней мере в юго-западном украинском ареале имели развитие, подобное лехитскому (в польском, как известно, слова типа *złoto* первоначально имели вид **zʌloto*, о чем говорит их морфонологическое поведение в польском), однако укр. *ъ в первом слоге «полногласия» ведет себя как «сильный ер». В то же время «вставное» -о- в полногласных сочетаниях является «не совсем обычным» *о, не удлиняющимся в слогах перед слабыми редуцированными. Видимо, удлинение *о (и *е) происходило раньше падения редуцированных, одновременно с формированием различия между «сильными» и «слабыми» ерами. Дело в том, что для украинской (и юго-западной белорусской) диалектной зоны характерен полный параллелизм развития исконно кратких гласных (*о, *е, *ъ, *ь), причем выделяются две позиции: 1) сильная — в слогах перед слабыми редуцированными; 2) слабая — в остальных случаях. Следовательно, мы можем предположить, что мета-

теза *ToRT* > *TьRoT*, *TeRT* > *TьReT* произошла после удлинения *о и *е — этим объясняется сохранение *o*, *e* во вторых «новозакрытых» слогах «полногласных» сочетаний.

2.2.2. В русских северо-западных говорах также обнаружены системы противопоставления «двух о», не связанные с рефлексами старых интонаций. В русских (в основном южных и восточных) говорах широко известны системы с оппозицией фонем *lo/* и *lʊo/* (либо «открытого» *lo/* «закрытому» *lʊ/*), при этом *lo/* восходит: 1) к *о под циркумфлексом («под нисходящей интонацией»), 2) к «сильному» *ь. Южно- и восточнорусская фонема *lʊo/* восходит к *о под новым акутом («под восходящей интонацией»), при этом в рефлексах *ToRT оба гласных «полногласия» ведут себя как регулярные рефлексы *о. В северо-западных говорах представлены принципиально иные системы рефлексов, не связанные с бывшими акцентными противопоставлениями.

2.2.2.1. Такая система отмечается, в частности, в кривичском по происхождению архаическом говоре пос. Ильинó Западнотверского р-на Тверской обл. и в близких к нему говорах окружающих деревень, а также в ряде говоров Торопецкого р-на (напр., д. Гаврилово). В ильинском говоре под ударением различаются две фонемы «типа о»: *lo/* — гласный заднего ряда, обычно среднего подъема (спорадически в закрытых слогах отмечается дифтонгоид [oʷ], после губных и веларных — дифтонгоид [ʷo]; перед *j* и мягкими согласными регулярен средне- или срезнезаднерядный аллофон [e]). Этой фонеме противопоставлена фонема *lʊo/* — как правило, задний дифтонг; особый (средне-задний) аллофон [ʷe] присутствует перед *j*. Нейтрализация двух фонем под ударением происходит лишь в одной позиции: в закрытых слогах после *r*, однако различие восстанавливается в открытых слогах: *ʎom*, но gen. *ʎuómá* — ср. *klróvā*, gen. pl. *klróv* и т. д. «Ненапряженное» слав. *ь имеет в ильинском говоре рефлекс *lo/*: *bayór*, *doš*, *zasóx*, *zdóxl'i*, *bratók*, instr. *ʎatnóm* и т. д. Такой же рефлекс имеет *ь в последовательностях *TьRT*: *dotx*, *ʎorb* и т. д., а также «вставной ь»: *ayón'*. «Напряженный» *ь в окончании им. п. прилагательных м. р. под ударением также имеет рефлекс *lo/*: *pustěj*, *kr'ivěj* и т. д. В презенсах глаголов с корнями на -у «напряженный» *ь всегда имеет рефлекс *lʊ/*: *krʊju*, *rʊju* и т. д. Является ли этот рефлекс результатом фонетического развития *ь в слогах не перед «слабыми редуцированными» или возник по аналогии с формами типа inf. *mys'*, prt. *mytā*, представляет собой особую проблему (материал других «кривичских» по происхождению говоров говорит скорее в пользу первого предположе-

ния). Фонема *lo/* регулярна также под ударением в обоих слогах «полногласных последовательностей»: *ʎaróx*, *klróv*; *bórɔw*, *kótɔs* и т. д.; трактовка *ToRT* в виде *TьRьT* крайне любопытна и нуждается в дополнительных исследованиях и исторической интерпретации. Праслав. *о, независимо от интонации, под ударением имеет ильинский рефлекс *lʊo/*: *buók*, gen. *iz buóka*, *duóm*, gen. *duóma*, loc. *v ptaxúóm*, gen. *radnʊóul* и т. д.

2.2.2.2. Изложенная выше «кривичская» система первоначально была описана на основе акустических наблюдений; в последнее время эти данные на большом материале подтверждены методами экспериментальной фонетики. В частности, подробному экспериментальному обследованию был подвергнут говор д. Гаврилово Торопецкого р-на Тверской обл. (информант З. М. Григорьева, 1934 г. р., запись 1995 г. О. А. Абраменко).

В системе этого говора, как и в ряде других говоров указанного ареала, под ударением противопоставлены две фонемы — *lo/* и *lʊo/* (последняя имеет аллофоны [ʊo] после губных и заднеязычных согласных и [ʊo] после дентальных, кроме *t*).

Судя по имеющемуся материалу, в настоящее время в говоре в фонеме *lʊo/* могут нейтрализоваться обе фонемы. Иногда вместо регулярного аллофона [ʊo] в первом слоге словоформы после зубных сонантов отмечается [o], аллофон фонемы *lo/* — подробнее см. ниже комментарий к таблице. Учитывая позиции нейтрализации фонем, по «остаточному принципу» можно предположить следующую первоначальную систему рефлексации *о и *ь.

Фонема *lo/* представлена в следующих исторических позициях: 1) на месте праслав. *ь; 2) в первых слогах «полногласий» (*ToRT); 3) на месте *о, предшествующего «сильному» *ь (типа *nogьc' < *nogьtь*); 4) на месте второго («вставного») гласного в рефлексах *ToRT. В остальных позициях регулярно присутствует фонема *lʊo/* (за исключением нескольких примеров на *lo/* после зубных сонантов). Никакой зависимости от праславянской просодии в рефлексации *ь и *о не обнаруживается. Видимо, нужно предполагать, что оппозиция *lʊo/* и *lo/* в гавриловском говоре восходит к первоначальной оппозиции *о и *ь, при этом праслав. *о в позиции перед «сильным» *ь еще в древности было заменено на *ь (> *lo/*). В то же время «вставной» гласный в *ToRT был сходен именно с (сильным) ером, а не с *о (в отличие от восточно- и южнорусских говоров, где под ударением он ведет себя именно как *о, в частности, превращаясь во «второе о» под восходящей интонацией), что сближает гавриловский говор (а также прочие говоры «кривичского» ареала) с восточнославян-

ским Юго-западом, так как сходные с «ером» рефлексы «вставного» -о- в «полногласиях» характерны именно для белорусско-украинского ареала. Фонема /o/ в первых слогах рефлексов *ToRT в гавриловском говоре может объясняться так же, как /o/ в словах типа *nógьc'* (из *ъ > /o/ перед «сильным» ером или звуком, фонетически совпавшим с последним или близким к нему). Впрочем, не исключено, что /o/ (= «сильный ер») в первых слогах полногласий в «кривичских» говорах развился независимо от качества гласного следующего слога.

Синхронная система гавриловских рефлексов *о и *ъ под ударением после согласных следующая (в таблице не показаны рефлексы *о в позиции перед «сильным *ъ» (типа *nogъь > *nógьc'*):

	*о	*ъ	*ТъRT	*ТóRoT	*ToRóT	*oRT
b-	uo	[uo]	([uo]?)	[uo]		
p-	uo	—	—	[uo]		
v-	uo	[uo]	—	o, [uo]		
m-	uo	o	—	—		
d-	uo	[uo]	[uo]	—		
t-	uo	—	[uo]	[uo]		
z-	uo	—	—	o, [uo]		
s-	uo	o, [uo]	—	[uo]		
n-	uo, [o]	o	—	—		
ʧ-	uo, [o]	o, [uo]	—	—	o	([uo]?)
r-	uo, [o]	o, [uo]	—	—	o	o
g-	uo	—	[uo]	[uo]		
k-	uo	o	o, [uo]	o		
x-	uo	o, [uo]	o	o, [uo]		

В квадратные скобки заключены вторичные рефлексы, появившиеся в результате незавершенной тенденции к нейтрализации фонем /uo/ и /o/. В круглых скобках даны сомнительные в фонетическом отношении единичные рефлексы.

Из таблицы видно, что в гавриловском говоре (по крайней мере в идиолекте З. М. Григорьевой) старая система с последовательным различием /uo/ < *o ~ /o/ < *ъ разрушается по следующим направлениям. После губных b- и p- фонемы полностью нейтрализуются в /uo/; после v-нейтрализация (также в /uo/) неполная; на рефлексy *о и *ъ после m- мало примеров, возможно, нейтрализация /uo/ и /o/ отсутствует или она ча-

стичная, как после v-. Сходная ситуация после заднеязычных: полная нейтрализация в /uo/ после g-, частичная (в сторону /uo/) после k-, x-. После смычных и фрикативных дентальных наблюдается сходная тенденция — к нейтрализации обеих фонем в /uo/, однако полностью она проведена только после смычных (есть одно исключение — *dom* < *domъ, в малоупотребительном слове, нормальное соответствие литер. слову в этом говоре — *izbá*, поэтому речь может идти о заимствовании). Противоположная тенденция — к нейтрализации обеих фонем в /o/ — наблюдается после зубных сонантов, однако здесь показательно последовательное наличие /o/ после ʧ и r во 2-м слоге «полногласий» («вторичный ъ»). Материал см. [Николаев, in litt.]

2.3. РЕФЛЕКСЫ *u и *o

Традиционно считается, что в восточнославянских языках и их диалектах праслав. *u и *o совпали еще в дописьменную эпоху. Это убеждение несомненно способствовало тому, что при изучении восточнославянских говоров на реализацию ударного рефлекса названных праславянских гласных не обращали должного внимания. Пожалуй, единственная восточнославянская зона, для которой отмечен особый характер рефлексов *u и *o, — закарпатские украинские говоры ужанской группы, в которых отмечено широкое («открытое») [u] на месте *u и *o при «обычном» [u] в качестве рефлекса удлинённого *ō (*múxa, dúb* при *búb* < *bobъ, *nús* < *nosъ — см. [Broch Ublja]).

2.3.1. В карпатоукраинских (галицких) говорах в последнее время отмечено также и различие рефлексов *u и *o (впервые в полном объеме оно было обнаружено в говоре с. Тышковцы А. В. Тер-Аванесовой; см. также [Николаев 1995], где оно реализуется в виде широкого и узкого монофтонгов [u] ~ [u]). Сходная ситуация отмечена в с. В. Ясенов Верховинск. р-на Ив.-Франковск. обл.: *kúrə* < *kury, *súka* < *suka при *túča* < *tōča, *súk* < *sōkъ. В ряде других говоров покутско-гуцульского ареала противопоставляются (по крайней мере на слух) восходящий и нисходящий дифтонги/дифтонгоиды: например, в с. Луг Раховск. р-на Закарп. обл. *kúry* < *kury, *súka* < *suka при *túča* < *tōča, *súk* < *sōkъ (см. [Николаев 1995a: 120]). Различия между рефлексами *u и *o в прикарпатских говорах отмечались нами на слух еще в с. Банилов Сторожинского р-на Черновицкой обл., с. Яворов Косовского р-на Ив.-Франковск. обл., с. Черная Тиса Раховского р-на Закарп. обл. [Николаев 1995a, б]. В некоторых архаичных закарпатских говорах (Лопухов, Русская Мокрая,

Ч. Поток, Яроч) на месте *q отмечено [ц] с особой («прерывистой») фонацией, несколько напоминающей назализацию, — см. подробнее в [Николаев 1995а, б; 1996б]. Карпатоукраинские системы, устройство которых было в свое время проанализировано лишь на слух, нуждаются в подробном экспериментальном исследовании.

2.3.2. Рефлексы *и и *q с просодическими различиями

В ходе экспедиционных поездок в 1995–1996 г. системы с противопоставлением ударных рефлексов *q и *и были найдены также и в ряде западнорусских говоров южнополюсского (точнее, торопецко-холмского) ареала. На месте *и во всех этих говорах под ударением отмечается фонема, в общем сходная со «стандартным» русским [у] (в части говоров на месте *и отмечается и задне-среднее [ц], в том числе и между твердыми согласными), тогда как ударными рефлексами *q являются довольно странные на слух звуки, являющиеся, как и «стандартное» [у], заднерядными гласными верхнего подъема (реже они могут быть отнесены к задне-средним гласным), однако содержащие характерный «призвук», производящий впечатление просодической (фонационной?) окраски гласного. В одних говорах эта «окраска» на слух кажется просто слабой назализацией, в других характер этой окраски неясен — ясно только одно, что на слух «два *и*» довольно отчетливо различаются, и обнаружено их различие было первоначально на слух. Чтобы избежать субъективизма при оценке различия выделяемых фонем (одна из которых, как правило, восходит к праслав. *и, другая к *q), был проведен анализ различия амплитудно-частотных характеристик аллофонов этих фонем на мгновенных спектрограммах (= мгновенных спектральных срезах), выполненных при помощи компьютерной программы WinCECIL.

«Просодическое» противопоставление «двух *и*» обнаружено в говорах: д. Гаврилово Торопецкого, д. Дудкино Западнодвинского и д. Берёзки Оленинского р-на Тверской обл. Подробно об этих системах см. в [Николаев 1997]. Ниже «обычное *и*», восходящее к *и, обозначается как *и*; «второе *и*», обычно восходящее к *q, — как *ц*. Как показали заново проведенные исследования с привлечением дополнительного материала, в берёзкинском говоре «диахроническое» противопоставление фонем /*и*/ и /*ц*/ весьма неустойчиво — более или менее надежные результаты проявляются только при анализе специального списка на рефлексы *и и *q, и то в нем многочисленны исключения из общего правила. В отличие от березкинского говора, в дудкинском и гавриловском говорах оппозиция двух фонем представляется весьма устойчивой.

Во всех трех говорах «обычное *и*» на слух сходно со стандартным («литературным»). «Второе *и*» в дудкинском и берёзкинском говорах на слух производит впечатление *и*, слабо назализованного (?) на всем протяжении звучания — при этом сам звук производит впечатление несколько напряжения обеих фонем, показывают следующее различие между фонемами*. «Первое *и*» (/и/) имеет основные две форманты с частотами в диапазоне 100–1500 Hz, в два или больше раз превышающие по интенсивности более высокие форманты, которые имеют приблизительно одинаковую интенсивность. «Второе *и*» (/ц/) имеет, кроме этого, интенсивную третью форманту с частотой в диапазоне 3000–3500 Hz (обычно пик приходится на 3200 Hz) в дудкинском говоре и с частотой в диапазоне 3500–4000 Hz (обычно пик приходится на 3700 Hz) в берёзкинском говоре. Кроме того, в дудкинском и берёзкинском говоре «второе *и*», как правило, имеет еще и дополнительную четвертую интенсивную форманту в диапазоне 4500–4700 Hz (в дудкинском) и 4800–5200 Hz (в берёзкинском говоре). В ряде слов дополнительная высокая форманта интенсивнее третьей. В гавриловском говоре «второе *и*» (/ц/), как кажется на слух, обладает слабой назализацией в сочетании с дополнительной «окраской», которую с большой натяжкой можно назвать «напряженностью» (по крайней мере воспроизвести ее удастся при напряжении корня языка, глотки и заднего неба). На спектрограммах различие между «двумя *и*» проявляется в том, что у «первого *и*» отсутствует форманта с пиком интенсивности на частоте 2000 Hz, которая имеется у «второго *и*». Образцы спектрограмм показаны в [Николаев 1997]**.

* В говорах Дудкина и Берёзки указанные фонемы наиболее отчетливо различаются именно в этом моменте (ближе к предшествующему согласному амплитудно-частотные характеристики модифицируются в результате влияния согласного, к концу звучания фонемы /и/ и /ц/, видимо, нейтрализуются). В говоре Гаврилова (см. ниже) фонемы /и/ и /ц/ различаются по указанным признакам практически на всем протяжении гласного, поэтому мгновенная спектрограмма снималась на половине его звучания, где влияние предшествующего и последующего согласного минимально.

** В «реплике» В. Б. Кузнецова [Кузнецов 1998] на статью «С. Н. Николаева» (имеется в виду моя статья [Николаев 1997]) содержится утверждение, что «в своей интерпретации экспериментальных данных С. Н. Николаев фактически исходит из предположения, что любые различия, обнаруживаемые в сравниваемых спектрах, должны быть отнесены на счет назализации». Это неверно, так как я в статье говорил о фонетических «окрасках» звуков, лишь отдаленно напоминающих назализацию, и что именно эти звуки восходят к праславянским назализованным. Другую претензию рецензента, относящуюся к якобы достаточно произвольным позициям измерения формант в гласных, оставим на совести автора.

Исторический комментарий к дудкинскому и гавриловскому материалу. Ниже приводятся заново проверенные данные гавриловского и дудкинских говоров (в основном результат ревизии заключается в добавлении релевантных дудкинских форм, не приведенных в [Николаев 1997]).

Фонема /u/ из *u: гавр. *bl'uda* < *bl'udo, дудк., гавр. *brús* < *brusъ, гавр. *br'úxa* < *br'uxo, гавр. *búr'a* < *bur'a, гавр. *čúda* < *čudo, дудк., гавр. *čúr* < *čurъ, дудк. *drúx*, гавр. *drúk* < *drugъ, гавр. *dúta* < *dudlo, дудк., гавр. *dúx* < *duxъ, дудк. *γrút* 'костер из кучи хвороста' < *grudъ, дудк. *γrús'c* < *gruzdъ, дудк. *γút* < *gulъ, дудк. *kl'úč* < *kl'učъ, дудк. *kljuf* < *kl'uvъ, гавр. *kúča* (наряду с *kúča*, дудк. только *kúč'a*) < *kuča, дудк. pl. *kúry*, гавр. *kúr'ica*, pl. *kúry* < *kur'ica, *kury, гавр. *tapúx* < *loruxъ, гавр. *túč* < *lučъ (но дудк. *túč* < *lōčъ), дудк., гавр. *túk* < *lukъ, гавр. *tún* < *lunъ, дудк. *p'erún* 'чёрт, нечистая сила' < *perunъ, дудк., гавр. *púx* < *puxъ, гавр. *púza* < *puzo, дудк., гавр. *stúx* < *sluxъ, дудк., гавр. *strúp* < *strupъ, дудк. *stúk* < *stukъ, гавр. *súša* < *suša, дудк. *šúm* < *šumъ, гавр. *šéuka* < *šeuka, дудк. *tr'ebúx*, гавр. *tr'ábúx* < *trъbuxъ, дудк. *trúp* < *trupъ, дудк., гавр. *trút* < *trudъ, дудк., гавр. *trúp* < *trupъ, гавр. *túša* < *tuša, дудк. *túta* 'здесь' < *tuto, дудк., гавр. *úl'ij* < *ulъjъ, гавр. *úxa* < *uxo, гавр. *wnúk* < *vъnukъ (но дудк. *vnúk* ?), гавр. *xatúpa* < *xalupa, гавр. *xrúst* < *xrustъ (но дудк. *xrúst* — контаминация с *xročъ?).

Фонема /y/ из *o: гавр. pl. *gúby* < *goby, дудк. *γúпка*, гавр. *gúпка* 'древесный гриб' < *gobъka, дудк. pl. *γús'i*, гавр. *gús'*, pl. *gús'i* < *gošъ, *goši, дудк. *γúš*, гавр. *gúš* < *gožъ, гавр. *gúšša* < *goštja, дудк., гавр. *kúst* < ? *koštъ, дудк., гавр. *kút* < *koťъ, гавр. *krúča* < *kroťja, дудк. *krúx* 'круг; стригущий лишай' < *kroğъ, гавр. pl. *túčk'i* < *lōčъku, дудк. *túx*, гавр. *túk* < *lōčъ, гавр. *múka* < *močka, гавр. *múš*, дудк. *múž*, gen. *múža* < *možъ, гавр. *n'úx* < *n'oxъ (ср. слвн. *njôhati*), гавр. *pasúda* < *posoda, дудк., гавр. *prút* < *prōdъ, дудк., гавр. *prút* < *prōťъ, дудк., гавр. *púk* < *počъ, дудк., гавр. *púp* < *porъ, гавр. *púta* < *poťo, дудк., гавр. *púc'* < *poťъ, дудк., гавр. *strúk* < *stročъ, гавр. *stúpa*, дудк. *stúpa/stúpa* < *stopa, дудк. *súk*, гавр. *súk* (наряду с *súk*) < *sočъ, дудк., гавр. *sút* < *sođъ, дудк. pl. *istrúbьы*

Исследуемый нами материал как в виде магнитофонных записей, так и в виде «нарезок» utt'ов находится в Институте славяноведения, а также частично доступен на сайте www.ablaut.narod.ru, благодаря чему любой заинтересованный исследователь без труда может экспериментально верифицировать полученные нами результаты.

* Контаминация праслав. *lučъ 'луч (света, солнца)' и *lōčъ 'лучина и т. п.' (ср. болг. лъч). В дудк. это слово используется обычно в выражении *ловить рыбу на луч*, т. е. на свет лучины.

< *sъgoby, дудк., гавр. *trús* 'трус; кролик' < *trošъ, гавр. *trúc'in* < *troťenъ, дудк. *trút* 'трут' < *troťъ, гавр. *túča* < *toča, дудк. *vúγb'l'*, гавр. *úγb'l'* < *oγbъ, дудк. *úγbr'* 'болячка на теле коровы; личинка овода' < *oγgъ, дудк. *vús*, гавр. *ús* < *ošъ, дудк. *úta* < *oťka, дудк. *úz'it* < *oźlъ, дудк., гавр. *úš* < *ožъ, дудк., гавр. *xatút* < *xomōťъ, гавр. *xrúšš* < *xročъ, дудк., гавр. *zúp* < *zočъ, дудк., гавр. *zvúk* < *zvōčъ.

Особые случаи. Фонема /u/ < *u: во всех трех говорах две фонемы нейтрализуются перед *m* в закрытых слогах и, возможно, после *m*: гавр. *dúma* < *duma, дудк. *γtúm*, гавр. *gštúm* < *glumъ, дудк. *kúm*, гавр. *kúm* < *kumъ, дудк. *šúm*, гавр. *šúm* < *šumъ; *úm* < *umъ; гавр. *múxa* < *muxa. В одном слове в дудкинском говоре *u* вместо *u* отмечено также перед *n*: дудк. *tún* < *lunъ. Также, по-видимому, регулярно появление *u* в гавриловском говоре в закрытом слоге после *l*: гавр. *kl'úč* < *kl'učъ, *kl'úw* < *kl'uvъ, *l'út* < *l'udъ.

В ряде слов, не совпадающих по говорам, фонема /u/ нерегулярно представлена во всех трех говорах (см. [Николаев 1997]).

В других обследованных нами говорах торопецко-холмского ареала «просодического» противопоставления рефлексов *u и *o не обнаружено. Указание в [Николаев 1997] на говор с. Алушиха оказалось неточным — в этом говоре рефлексы этих праслав. фонем различаются, но на «сегментном» уровне, в виде фонем /ul/ и /oql/, см. ниже.

2.3.3. Рефлексы *u и *o с сегментными различиями

2.3.3.1. Гниловский говор. В отличие от говоров Дудкина, Березки и Гаврилова, в говоре не существующей теперь д. Гниловка (рядом с д. Дубровка) Селижаровского р-на Тверской обл. различие между рефлексами *u и *o проявляется не на «просодическом», а на чисто сегментном уровне*.

В гниловском говоре, наряду с монофтонгами /i/ и /u/ (спектрограммы этих гласных имеют «стандартный» вид, в частности, у /u/ отсутствуют «лишние» форманты), под ударением представлены восходящие дифтонги /ei/ (о проблемах, связанных с функционированием и генезисом этой фонемы, см. ниже) и /oql/. Фонетически последняя фонема реализуется как сочетание «неслоговых» [o] или [u] со «слоговым» ударным [u] (в редких случаях дифтонг реализуется как нисходящий — [oɥ]). В анлауте фонологической оппозиции «двух u» не существует, там наблюдается

* Магнитофонные записи (ок. 20 часов звучания) сделаны в Дубровках М. Н. Толстой в 1999–2001 гг. от уроженки д. Гниловка Татьяны Михайловны Смирновой, 1919 г. р.

свободное варьирование [u] ~ [qu] ~ [wu] вне зависимости от этимологии: *úľej* 2x, *qúľej*; *wum*, *qum*, *wúmnъjъ*, gen. *qúmnъъ*; *qúďě'kа*; *qúgьt*, *úgьt* 2x; *wúgьt*, *úgьt* 2x; *qus* 2x, *us*; *quš* 2x 'уж'; *qúz'it* 3x; *qútrа*; *úxл*, *qúxл* 3x, gen. *wúxл*, pl. *wúšы*, *qúšы*; pl. *qúskii* 'узкие'.

Наиболее последовательно регулярные рефлексы *q > u и *u > qu представлены в окончаниях имени и глагола, ср.:

1. *-q (acc. sg.): *dugú*; *kasú*; *annú*; *škьrtupqú*; *skьvradú* 2x; *stugú*; *trubú*; *vadú*; *drugúju* 2x; *takúju*; *gustúju*; *krutúju*; *syrvúju*; *suxúju*;
2. *-q (1 sg.): *pъb'agú* 2x; *idú* 2x; *smagú* 2x; *sažgú*;
3. *-qъ (3 pl. prs.): *b'arú*; *gnut*; *najdú*; *ktadú* 5x; *pr'in'asú*, *nъn'asú*; *ďp'akú*; *tkut* 2x; *tatkú*; *v'azú*; *pr'idú*; *žrut*.

И, напротив,

1. *-u (gen.): *p'askqú* 4x; *bъjdaqú* 2x;
2. *-u (dat.): *jamqú*, *pъ jamqú*; *č'emqú*, *kamqú*; *skatqú*;
3. *-u (loc.): *f stagqú*; v *Darqú*; v *l'asqú* (отклоняется единичное *va mьqú*).

Ср. также аналогичную ситуацию в глагольных суффиксах — *-пq- (vrb.): inf. *gnuc'*, pt. pl. *gnúľi*; ger. *sagnúľšы*; ptc. *zamknúľыj*; prt. *spatknúľs'i* при *-uje-: 2 sg. *рьššыnkqúis'c'i*.

В корнях представлено некоторое количество исключений, которые, однако, не препятствуют предположению о регулярном развитии *q > u и *u > qu и в этой позиции.

Фонема /ul/ регулярно представлена только на месте праслав. *q. В отличие от окончаний, в корнях эта фонема может чередоваться с «генерализованной» фонемой /qul/, что, по-видимому, отражает тенденцию к разрушению системы с оппозицией инлаутных монофтонгов/дифтонгов верхнего подъема в гниловском говоре (или по крайней мере в идиолекте Т. М. Смирновой), ср.:

1. *bqđ=: 1 sg. *búdu*, 3 sg. *búďi*, *n'a búďit*, 3 pl. *búduť*, *prabúduť*; 2. *dqđb=: *dup* 5x (но gen. *dqúbla*); 3 sg. *dúb'it* 3x, ptc. *pradúbl'inл*; 3. *gqđb-a: acc. *gúbu*, pl. *gúby* 2x; 4. *gqđst=: adv. *gústл* 2x (но comp. *gqúš'č'i*), *gúš':æ* 2x, acc. *gúš':u* 2x; 5. *gqđsl=: pl. *gús'l'i* 2x, gen. pl. *gús'l'ij*; 6. *gqđs-ъ: *gus'* 2x (при *gous'* 2x), pl. *gús'i* 5x (наряду с *gqúš'i* 3x), *gúšын'æ* 6x; 7. *gqđž-ъ: *guš* 3x; 8. *grqđb-: pl. *grúby*; 9. *klqđben-ъ: *ktúb'in'* 2x, pl. *ktúbn'i* 2x; 10. *kqđ= и *tqđ=: *atkúdl*, *attúdl*, *attúdy*; 11. *kqđkol-ъ: *kúkьt*; 12. *kqđs=: 3 sg. *kús'it* 2x; 13. *kqđt-i-ti: 1 pl. *pakúć'im* 2x; 14. *krqđg=: *kruk* 6x (наряду с instr. *krqúgьm*, adv. *va-krqúk*), *krúgьj* 2x, f. *krúgtæ* 3x; *pótukrúgьj*, f. *krúg'in'ka*; 15. *krqđt=: adv. *krútl* (наряду с *krqútl* 2x), *krúć'æ*; 1 pl. *krúć'im* (но ptc. pl. *skrúć'iny*); 16. *mqđr=: *múdrьj*, adv. *múdrл*; 17. *mqđk-a: *múkl*, prt. pl. *zamúć'itл*;

18. *mqđt=: *muc'* 3x, gen. *múć'i*, 2 sg. *múć'iš*, 3 sg. *múć'i*, 3 pl. *múć'ut* 2x, f. *mútnьjæ* 2x; 19. *mqđž-ъ: *muš* 3x, gen. *múža*; 20. *přk=: *púćьc'* 2x, *parúćьt'i* (наряду с *prqúćьc'*, 3 pl. *prqúćьjut*, а также adj. *prqúćьj* 2x, f. *prqúćьjæ*); 21. *přk-ъ: *puk* 4x; 22. *přt-o, *přt-a-ti: *pútl* 2x (но pl. *prqúty*), gen. pl. *put*; 3 pl. *púťjut*, imp. *púťьs'e*; 23. *přt-ъ: *puc'* 3x; 24. *přđ=: *prut* 3x, *prútkл* 2x, *zaprútl* 2x, gen. *zaprútl* 'запруда', 3 sg. *zaprúďit*, ptc. *zaprúženл*; 25. *přt-ъ: *prut*, *prúć'ik*; 26. *přb=: *abrúp*, instr. *abrúbьm*, *rúp'ik* 2x, *rup* 2x, *rubl'*; 27. *přk=: *abrúć'* 2x, pl. *abrúć'ik'i* (но *prqúć'кл*); 28. *sqđ=₁: *sut* 3x, gen. *súdl* (наряду с *sout*, instr. *sqúďьm*), 3 pl. *súď'ut*; 29. *sqđ=₂: *pasúdl* 3x, acc. *pasúdu* 3x (и *pasqúdu*), loc. *pasúď'in'i*; 30. *sqđ-ъ: *suk* 5x, coll. *súć'jæ*, gen. *súć'jef*; 31. *tqđ-a: *túć'æ*; 32. *trqđ-en-ъ: *trúć'in*; 33. *xomqđt-ъ: *xamúť* 7x.

Возможно, праслав. *q следует восстанавливать в *p[q]zo (релевантные данные других слав. языков отсутствуют): *púza* 3x, acc. *púzu* (но pl. *prqúzy*).

В следующих корнях колебания между *qu* и *u* не имеют однозначного объяснения ввиду чередования в них *u/*q еще на праславянском уровне: *xřst=/*xřust=: *xřust* 4x; *xřoust* 2x; *gnus=/*gnqs=: *gnúsnьj* 5x; *gnqúsnьj* 4x, n. *gnqúsnьjæ*, pl. *gnqúsnьj*; *glub=/*glqb=: *głoup'* 5x, ptc. *pagtqúbl'inл*.

Только с «генерализованным» *qu* отмечены производные от корней *blqđ=: *btqut* 4x, 3 sg. *btqúď'it*; *dqđg-a: pl. *dqúg'i*; *golqđb= 'голубой' и 'голубь': pl. *gatqúb'in'k'ije*, *gatqúpкл* 2x; *grqđ-ъ: *grqúć'* 8x; *grqđz=: *grqus* 5x, 3 sg. *grqúz'it*, ptc. *nagrqúženл*; [*lqđ-ъ: *łquk* 2x — слово, по-видимому, не местное, в значении 'луг' используется *lok* < *logь]; *(n)qđt=: pl. *noúťы* 2x; *přp-ъ: *přoup* 2x; *stqđ-a: *stqúpl*; *skqđp-: adv. *skqúpl* 2x; *strqđ-ъ: *strquk* 2x; *trqđs-ъ: *trqus* 4x; *zqđb-ъ: *zqup* 2x и *zvqđb-ъ: *zvquk*.

Фонема /qul/ регулярно представлена на месте праслав. *u, ср.:

1. *brus-ъ: *brqus* 6x; 2. *bud-i-ti: 1 pl. *razbqúď'im* 2x; 3. *buky: *bqúkvл* (однако и *búkvл* 1x), acc. *bqúkvу*, pl. *bqúkvы* 2x; 4. *burj-a: *bqúr'æ*; 5. *bur=: *bqúrьj* 2x; 6. *drug=: *drquk* 3x, gen. *drqúgl*, instr. *drqúgьm*, pl. *drqúg'i*; *pa-drqúgl* 2x; 7. *dudl-o: *dqútl* 3x; 8. *dum=: *dqúml*: 3 sg. *dqúmaj*; 9. *dupl-o: pl. *dqúpty* 2x, gen. pl. *dqupť*; 10. *dur=: *dqúrl*, gen. pl. *dqur*, *dqur'* 4x, gen. sg. *dqúr'i* 3x, *pr'idoúr'ьk* 2x; 11. *dux-ъ, *duš-i-ti: *dqux* 2x, 3 sg. *dqúšы*, ptc. *za-dqúšьm*; 12. *glup=: *głqúrьj*, adv. *głqúpl* 2x; 13. *glux=: adv. *głqúxл*, comp. *głqúšы*, *głqúš* 5x, adv. *głqúšнл* 2x; 14. *grud-ъ: *grqut* 4x, gen. *grqúdl* 2x; 15. *grust-ъ: *grqus'c'* 3x; 16. *gruš-a: *grqúšл*; 17. *gumьn-o: pl. *gqúvны* (2x); 18. *krup=: loc. *krqúpnьm*, pl. *krqúpnьj*; 19. *kuć-a: *kqúć'æ*; 20. *kum-ъ: *kqum* 3x, gen. *kqúml*, dat. *kqúmu*, instr. *kqúmьm*; 21. *kust=: *kqust* 2x; 22. *lорux-ъ: *łqurqúx*; 23. *lućьš=: *łqúť'šы*, *łqúć'še*; 24. *luć-ъ: *łqúć'* 3x; 25. *lun-ъ: *łqun'* 2x; 26. *luž-a: *łqúžл*; 27. *mux-a: *mqúxл*, gen. pl. *mqux*;

28. *nu: *noi* 5×; 29. *pust=: adv. *poústa* 2×; comp. *poúš'i* 2×; 30. *pux-ъ: *proux* 6×, gen. *poúxu*, pl. *poúšny*; 31. *pux=: 3 sg. *raspoúxn'i*, pt. *apoúx*, ptc. *apoúxšy*, *poúxťj*, f. *poúxťjæ* 2×; 32. *rud-a: pl. *roúdy*, gen. pl. *roút*; 33. *rus=: *roúsyj*, f. *roúšvjæ* 2×; 34. *rusl-o: *roústa* 3×, dat. *roústu*, pl. *roústy*; 35. *rusьsk=: *roúsk'ij*, *n'aroušk'ij*, pl. *roúsk'ie*, ср. также *Rous'*; 36. *rux=, *ruš-i-ti: 3 sg. *naroušyсы* 2×, ptc. pl. *naroušyны*, *razroúxl* 2×, *razroúxl*; 37. *skorlup-a: *škartoúpkл* 2×; 38. *slux=: *stoux* 5×, gen. *stouxl*; 39. *struj-a: pl. *stroúi*, gen. pl. *stroúj*; 40. *strun-a: pl. *stroúny*, gen. pl. *stroun*; 41. *stud=: *stoužl* 2×, gen. *stoužy*, gen. *prastouúdy*; 42. *stuk-ъ: *stouk* 2×, gen. *stouku*; 43. *suč-i-ti: 3 pl. *soúč'ut*; 44. *suk-a: *soúkl*; 45. *sux=: adv. *soúxl* 2×, *soúšl* 2×, *soúš* 3×, 3 pl. *soúšut* 3×; 46. *šum-ъ: *šout* 2×, gen. *šouml*; 47. *trud-ъ: *trout* 3×; 48. *trup-ъ: *troup* 4×, gen. *troupl*; 49. *u=: inf. *abúč'*; 50. *vъnuk-ъ: *vnouk*; 51. *xud=: adv. *xouđl* 2×; 52. *xuj-ъ: *xouj* 2×, gen. *xoujæ*, instr. *xoujem*; 53. *zud-ъ: *zout*; *žuk-ъ: *žouk* 4×.

В некоторых корнях после *t* отмечается нерегулярное *u* < *u (всегда наряду с регулярными рефлексам): *luk-ъ: *toúk* 7× (но *tuk* 2×), gen. *toúku*; *plug-a: *ptougl* 2×, *plougu*, pl. *ptougi* (однако наряду с acc. *plúgu*, pl. *ptúgi*); *slug-a, *služ-i-ti: pl. *stougi*, gen. pl. *stouk*, 3 sg. *stoužyt*, *atstoužyt* (наряду со *slúžyt*, 3 pl. *atstúžyt*).

Исключения, а именно *u* на месте *u, представлены в некоторых корнях с анлаутными *gu- и *ku-: *gul=: *gut* 3× (возможно, регулярным является *gout*, хотя здесь может быть представлена «генерализация» *loul*), *gútk'ij*, adv. *gútkl* 2×; *kup=: 2 sg. *kúp'is*; *kúpl'æ*; *kug= «курица»: *kú'icл* 2×, pl. *kúr'icy*, pl. *kúry* (возможно, архаичными являются формы pl. *koury* 2×, gen. pl. *kour*); *kur-i-ti: *kúr'ivl*, 3 sg. *patkúr'ivyt*; *kus-: inf. *kúšyc'*, *skúšyc'*.

Нерегулярными являются также рефлексы *u в ряде корней с носовыми сонантами: *nug=: pl. *panúryi*, *panúryi*; *smugl=: *smougtýj* наряду со *smúgtýj* 3×; *xmug=: *raxmúryj*, *raxmúryj*. В следующем корне фонема *lul*, возможно, возникла по аналогии с корнем глагола *lč-i-ti; **l[u]*č-i-ti: 2 sg. *patúč'is*, ptc. *patúč'inл* 2×. Нерегулярно *u* в gen.-loc. *dvux*.

Нерегулярная фонема *lul* последовательно представлена также в именных суффиксах *un-, *ux- (*ухь, *уха, *ушька), ср. *un-: *bl'adún* 2×, *r'avún* 3×; *ux-: *pastúx* 2×; instr. *mt'adúxťj* (наряду с *mt'adoúxl* 2×); *s'l'apúxl*; pl. *s'tadúx'i*; *starúxl*, instr. *starúxťj*; *karmúškl*; *l'agúškl* 2×, pl. *l'agúšk'i* (2×); *garbúškl*, acc. *garbúšku*; *kadúškl*, pl. *kadúšk'i* 2×; pl. *s'tadúšk'i*.

В заимствованных словах, собственных именах и т. п. представлены обе фонемы:

Фонема *lul*: *čugún* 2×; 3 sg. *túđ'it*; *Skakúl'inл* (назв. деревни); *škúrl* 2×, acc. *škúru* 2×, instr. *škúrťj*, pl. *škúry*, *škúrkл*, acc. *škúrku*; ИС *Šúrl*; ИС gen. *Tr'agúb'ix'i*; *žgut*; *kúktл* 2×, gen. pl. *kúktť*; *kapústл*; gen. sg., pl. *štúk'i* (но gen. pl. *štouk*).

Фонема *loul*: *kouřnl* (2×); acc. *toúzyku*; ИС *Anouř'ej* (наряду с *Anúř'ej*); *aroužyje* 2×; *ňkanouř'i*; pl. *pradoúky*; *rouřr*; *žouř'ik*, gen. *žouř'ikл*.

2.3.3.2. В говоре д. Алушиха Андреапольского р-на Тверской области обнаружена система, по всей видимости первоначально идентичная гниловской, но подвергшаяся значительной перестройке и генерализации. Так же как в Гниловке, в Алушихе под ударением различаются *loul* и *lul*. «Генерализованным» вариантом является, как и в Гниловке, *loul*, зафиксированный как на месте *o, так и на месте *u, ср. ситуацию в окончаниях. С одной стороны — *o (1 sg. prs.): *pajdú*, *skažú* (но *памроу*); *o (acc. fem.): *drugúju*; *annú*; *ň rukú* (при *ň rukou* 2×); adv. *vruč'niju*; *vadú*; *u vajnú* (но *takou*); -*oť* (3 pl. prs.): *b'arúč'*; *idúč'* 3×; *ňp'akúč'* (но *d'aroučce*). С другой стороны — *u (dat. sg.): *kamou*; *u (loc. sg.): *v gadou*; *v l'asou*; *f prudou* (подробнее см. [Николаев, in litt.])

2.3.3.3. В других обследованных нами северо-западных говорах «кривичского» происхождения противопоставление рефлексов на месте *u и *o не обнаружено. В говорах в окр. д. Березуг Селижаровского р-на рефлексом *u и *o под ударением является дифтонг *loul* (по-видимому, там полностью осуществился процесс, начинающийся в Гниловке). В других говорах *u, *o > *lul*.

2.4. РЕФЛЕКСЫ *l

Если оппозиция *loul* : *lul* генетически связана с праславянской оппозицией *lul* : *lol*, то происхождение фонологического противопоставления под ударением переднерядных фонем *leil* : *lil* остается не вполне ясным. Это противопоставление было теоретически предположено для говоров с оппозицией *loul* : *lul* на основании системных соображений и реально обнаружено и подтверждено на большом материале, собранном в том же говоре д. Гниловка Селижаровского р-на Тверской обл.

2.4.1. В гниловском говоре под ударением противопоставлены фонемы *leil* и *lil* (фонетически дифтонг реализуется как сочетание «неслогообразующих» [e] или [i] со слогообразующим [j]). Оппозиция между этими

* Отличие неоднородных [e]/[i] и однородного [i] хорошо видно на спектрограммах.

фонемами разрушается «на глазах», причем «генерализующим» субститутом обеих фонем является /i/ (в противоположность нейтрализации /ou/ и /u/, замещающихся единой фонемой-дифтонгом /ou/). Единственной позицией, в которой [eɪ], а не [i], является субститутом обеих фонем, является позиция после *r*, где sporadически отмечается *ei* вместо регулярного *i*.

Кроме этого, «новая нейтрализация», по всей видимости, «наложилась» на результаты более старого процесса, в результате которого фонема /eɪ/, противопоставляясь /i/ в открытых слогах (перед одиночными согласными с последующим гласным), заменила /i/ в закрытых слогах и перед любыми сочетаниями согласных.

Неизвестно, было ли развитие /i/ > /eɪ/ одношаговым процессом, или первоначально этот переход осуществлялся только в слогах перед выпавшим слабым редуцированным («новозакрытых»), а после, по аналогии, распространился на любые слоги, в которых за ударным гласным следовало сочетание согласных (в том числе фонетические «геминаты»). К сожалению, мы ничего не знаем о принципах и истории слогоделения в рассматриваемом говоре, поэтому лишь на основании поведения *i можно предполагать, что, например, *č'ístvj* < *č'istъь воспринимается или воспринималось не как *č'í-stъj*, а как *č'ís-tъj*, откуда *č'eís-tъj*. Ниже «открытыми слогами» будут условно называться слоги, в которых гласный находится перед согласным, за которым следует гласный. Возможно, /eɪ/ было «генерализовано» в конечной позиции (в конечных открытых слогах), хотя не исключено и исконное присутствие в данной позиции (в окончаниях и суффиксах) исключительно дифтонгов.

Таким образом, срединные открытые слоги в настоящее время — единственная позиция, которая является релевантной для различения /eɪ/ и /i/. При наличии большого количества записей производных от одного и того же корня фиксация [eɪ] хотя бы в некоторых из форм в конечных открытых слогах указывает на наличие в нем фонемы /eɪ/. С другой стороны, последовательное появление [i] в достаточно большом количестве однокоренных форм позволяет предполагать фонему /i/.

Ниже в качестве нерелевантных приводятся формы с предполагаемой нейтрализацией /eɪ/ / i/ > /i/ (в любых позициях) — сокращенно НФ.

2.4.2. В связи с отсутствием четко определенных позиций балто-слав. чередования *ei* / *i* и малочисленностью примеров на непосредственное соответствие славянских и балтийских форм с дифтонгами/монофтонгами затруднительно сделать определенный вывод о генезисе сев.-западных фонем /eɪ/ и /i/. Во многих случаях наблюдается регулярное соответствие

гнил. *i* = балт. *ī* (в корнях *dik=; *gnida; *griva; *mil=; *nitъ, *nitъcъka; *siv=; *vīgъ); с другой стороны, регулярно соответствие гнил. *ei* = балт. *ie/ei* (в корнях *čítovati, *číslo; *div=; *lip=; *pila, *piliti; *pisje=, *píšmo; *sito; *vixъ=). Показательно также распределение *ei* и *i* между именем (и отыменным глаголом) и собственно глагольным корнем в *vid-ъ, *vidovati (*v'eid*=) и *vidēti (*v'id*=), находящее точное соответствие в балтийском. Подробный разбор соответствий и материал см. [Николаев, in litt.].

2.4.3. О том, что сев.-западное противопоставление не может считаться вторичным (например, результатом фонетического перераспределения рефлексов *i в конкретной диалектной области), говорит и распределение фонем /eɪ/ и /i/ в служебных морфемах. Показательно распределение *ei* и *i* в именных суффиксах (приводятся только формы с фонемами в релевантной позиции).

С одной стороны,

-ina < *ina (и.-е. *ein-ā, ср. лит. *žvēriena, rugiena*, хотя не исключен и вариант -*in-ā): *bъjdač'inl*; *bъkav'inl*, gen. *bъkav'inъy*; *d'is'ac'inl* 2x; *drav'inl* 2x; *gъtab'inl* 3x; *gub'inl*; *grud'inl*; *kallnl* 2x, gen. *kal'inъy*; *xr'istav'inl* 3x, pl. *xr'istav'inъy* 2x; *l'ad'inl* 6x, acc. *l'ad'inu*; *tъgav'inl* 2x; *taš'inl* 3x, loc. *taš'in'i*; *tuč'inl* 2x, acc. *tuč'inu* 2x, s *tuč'inъj*; *mal'inl* 2x, pl. *mal'inъy*, dat.-instr. pl. *mal'inъm*; instr. *muš'č'inъj*, pl. *muš'č'inъy*; *braz'inl*, loc. *braz'in'i* 'образина'; *as'inl*, pl. *as'inъy*; pl. *ač'inъy* 3x; *p'ar'inl*, instr. *p'ar'inъj* (видимо, вторичны *p'ar'einl*, gen. pl. *p'ar'in*); *pъtav'inl*, acc. *pъtav'inu*, loc. *pъtav'in'i*; gen. *r'ab'inъy*; pl. *pъtac'inъy*; *s'ir'ad'inl*; *skac'inl* 2x; acc. *s'v'in'inu*; *t'as'inl* 2x, acc. *t'as'inu*; *tyн'inl*;

-iv- < *iv- (и.-е. *īw-o-): *igr'ivъj* 2x; f. *igr'ivъæ* (видимо, вторично *igr'eivъj*); *kras'ivъj* 8x; pl. *kras'ivъy*, adv. *kras'ivl* 2x; *l'as'l'ivъj*, adv. *l'as'l'ivl*; *n'irad'ivъj* 4x; *sapl'ivъj*, gen.-loc. pl. *sapl'ivъx*; *sprъv'ad'l'ivъj* 2x; *c'ir'pal'ivъj* /-ъj 3x.

С другой стороны, -eixl < *ixa: loc. *K'isar'eix'i*; *Kъral'eixl* 2x; *al'a-n'eixl* 2x; *Sul'eixl*, instr. *Sul'eixъj*; *trus'eixl* 2x; *zajč'eixl*.

В суффиксе *-ica (и.-е. *eik-ā-) наблюдаются колебания между *ei* и *i* — по-видимому, это объясняется проникновением дифтонга из суффикса -eik < *ikъ (*dušn'eik* 3x, *kъtas'n'eik* 2x, *mъtad'eik* 2x, *pъtav'eik* 2x, *star'eik* 2x, *tup'eik*, *uč'an'eik* — ср. поразительную устойчивость дифтонга в этом суффиксе, не подвергающегося генерализующей тенденции *ei* > *i*): с одной стороны, acc. v *bal'n'icu* 2x, loc. v *bal'nicy*; acc. *gatub'icu*; *kastr'icl* 3x (нерелевантно *kastr'eicl*); *p(ъ)šan'icl* 2x; *pc'icl* 2x, pl. *pc'icy* 5x; *makr'icl*, gen. *makr'icy*; с другой стороны, pl. *brus'n'eicy* 2x; pl. *č'arn'eicy*; *kъby*

Гейс 3x; *Гис'ейс* 2x; *тас'ейс* 2x; *ас'л'ейс* 2x; *иц'ан'ейс* наряду с *иц'ан'ис*; *ватц'ейс* наряду с *ватц'ис* 3x; в *сар'ейс* 3x; *Гар'ейсы* 3x, gen. *Гар'ейс*, dat. *г* *Гар'ейсыт* [ei] может быть вторичным.

В связи с этим неясен и первоначальный вокализм в суффиксе **-ика** < *-ika: *бус'н'ейк* и acc. *бус'н'ику*, instr. *бус'н'икъ*, pl. *бус'н'ик'и*; *ц'ар'н'ейк* 2x и *ц'ар'н'ик*; *гътуб'ейк* 2x; *гвзв'д'ик* 2x, acc. -и; *з'имл'ан'ейк* 2x и *з'имл'ан'ик*.

В парадигматических (словоизменительных) производных от односложных глагольных корней на *i в гниловском говоре наблюдается чередование *i/ei*: 1-я фонема в прош. вр. на -t-, 2-я в страд. причастиях: **b'i=lb'ei** < *bi=: f. *b'itl* (3x), n. *ub'itl*, f. *raz'b'itl*, pl. *b'il'i* (3x), *ub'il'i* (2x) ~ *ub'eityj*; *ub'ityj*; *iz'b'eityj* (3x); *pab'eitl* (НФ: *iz'b'ityj*, *p'ir'ab'ityj*, f. *ub'itl*, n. *p'ir'ab'itl*, *zab'itl*, *pab'itl*); **br'i=br'ei** < *bri=: *pabr'il'i* 2x ~ *pabr'eityj*; **v'i=lv'ei** < *vi=: pl. *v'il'i* ~ ptc. n. *s'v'eitl* 3x (НФ: n. *s'v'itl*).

2.4.4. Что касается начальных *lil-* и *leil-*, то они регулярно отражают историческое различие *(j)i- и *jь-: *it* < *ilь, *is':et* < *isk-, *iva* < *iva, но *eim'a* < *jьme, pl. *giskry* < *jьskr-, pl. *gigry* < *jьgr- и т. д.

2.4.5. В прочих обследованных северо-западных «кривичских» говорах обнаружен единый рефлекс *lil* < *i любого происхождения.

2.4.6. Таким образом, не исключено, что русские северо-западные говоры (предполагаемого «кривичского» происхождения) просто случайным образом сохранили в более или менее «чистом» виде различие раннепраславянских фонем *ei и *i. Рефлексы последних в несколько модифицированном виде сами по себе стали источником формирования устойчивой системы с противопоставлением «высоких» дифтонгов, причем в заднем ряду монофтонг *lu* < *q был, возможно, «достроен» к уже существовавшему *lul* < ранне-праслав. *au (> «стандартное» слав. *u), аналогично-му *leil* < *ei.

Восточнославянские системы с наличием вообще редких в индоевропейских языках восходящих дифтоногов типа *lul*, *leil* до сих пор не были известны, тем более что они являются фонемами, противопоставленными «высоким» монофтонгам *lu* и *li* соответственно. Кроме того, возможное возведение различия источников сев.-западных русских *leil* и *li* на праславянский уровень позволит модифицировать (поздне)праславянскую реконструкцию и верифицировать решения некоторых сложных проблем, связанных с чередованием «монофтонг/дифтонг» в парадигмах, особенно в глагольных.

Литература

- Дыбо, Николаев 1998 — В. А. Дыбо, С. Л. Николаев. Новые данные и материалы по балтославянской акцентологии // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998. С. 5–70.
- Николаев 1995 — С. Л. Николаев. Новые данные о восточнославянском вокализме и просодии // Russian linguistics. Vol. 19, № 3. November 1995.
- Николаев 1995a — С. Л. Николаев. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буковинско-гуцульский ареал // Славяноведение. 1995, № 3.
- Николаев 1995a — С. Л. Николаев. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буковинско-гуцульский ареал (продолжение) // Славяноведение. 1995, № 5.
- Николаев 1996 — С. Л. Николаев. Histoire d'O // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.
- Николаев 1996a — С. Л. Николаев. Рефлексы праславянских интонаций в восточнополесских говорах // Полісся: мова, культура, історія. Київ, 1996.
- Николаев 1996b — С. Л. Николаев. Вокализм карпатоукраинских говоров. 2. Закарпатский ареал // Славяноведение. 1996, № 1.
- Николаев 1997 — С. Л. Николаев. Новые данные о фонетике русских говоров. Рефлексы *и, *о // Русские диалекты. История и современность. (Серия "Вопросы русского языкознания"). М., 1997.
- Николаев 2000 — С. Л. Николаев. Рефлексы праславянских тонов в восточнославянских языках // Балто-славянские исследования 1998–1999. М., 2000. С. 83–113.
- Николаев, in litt. — С. Л. Николаев. Новые данные по истории вокализма в северо-западных русских говорах // Балто-славянские исследования 2000–2001. М., (в печати).
- Николаев, in litt. (2) — С. Л. Николаев. Новые данные о фонетике и просодии восточнославянских говоров // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., (в печати).
- Broch Ublja — O. Broch. Zum Kleinrussischen in Ungarn // Archiv für slavische Philologie. Berlin. Bd. XVII, XIX.

Summary

Results of an instrumental study of East Slavic phonetics and prosody

The article contains some results of an instrumental study of East Slavic dialect phonetics based on the materials gotten during last years by the expeditions of the Group of Slavonic glottogenesis at the Institute of Slavic Studies. Several phenomena of prosody (syllabic tones in North Polesian and some Russian dialects) and of phonetics (contrasting «two o» and «two u» in Ukrainian and Russian areas and «two i» in a West Russian dialect) are discussed. A large data volume is cited.